

УДК 13
ББК 87
С73

John Shelby Spong

Eternal Life: A New Vision:
Beyond Religion, Beyond Theism, Beyond Heaven and Hell

© 2009 by John Shelby Spong. All rights reserved. Published
by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers.

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*

Оформление обложки *Виктории Брагиной*

Спонг, Джон Шелби.

С73 Вечная жизнь: новый взгляд. За пределами религии, мистики и науки / Джон Шелби Спонг ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 272 с.

ISBN 978-5-04-098855-6

Однажды биологические часы остановятся. Во что верить, когда точно знаешь, что конец неминуем? На что можно надеяться, если больше не готов слушать благочестивые сказки? Критики называют Джона Шелби Спонга самым лютым еретиком XX века. Странники — предтечей новых глобальных сдвигов в религиозном мировоззрении. Эта книга — первая возможность для русскоязычных читателей познакомиться с идеями одного из блестящих интеллектуалов нашего времени, задающего направление всем самым интересным богословским спорам сегодня. Торжественно-печальная симфония, сочиненная старым мастером на исходе жизни, монументальное кредо, проникновенная исповедь, глубокое представление взглядов интеллектуально честного христианина на жизнь и смерть.

УДК 13
ББК 87

© Published by arrangement with HarperOne,
an imprint of HarperCollins Publishers

© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098855-6

Содержание

Предисловие	7
1. Напутствие от автора в дорогу	18
2. Жизнь — случайность	36
3. Хитросплетения нашей жизни	47
4. Танец со смертью: открытие бренности	57
5. Соблазн религии	71
6. Главный стимул жизни: выживание	84
7. Роль религии в боязни смерти	93
8. Лики религии	105
9. Орудия религиозной манипуляции	118
10. Религия без рая и ада	129
11. Отказ от детских затей: смерть религии	141
12. Сдвиг религиозной парадигмы	159
13. Кто я? И что есть Бог?	168
14. Подход мистиков	181
15. Воскресение: символ и реальность	196
16. Прятки — мышление — бытие	211
17. Я верю в жизнь после смерти	229
Эпилог. Что такое решение умереть	237
Примечания	252
Библиография	261
Указатель тем	269

Эта книга посвящается тем людям, которые особенно дороги мне: своей смертью они учили меня не только тому, как умирать, но, что гораздо важнее, тому, как жить и надеяться на новую жизнь за гранью нынешней. О каждом из них говорится в предисловии — вместе с кратким описанием даров, которые мне от них достались.

Джон Хантер Гриффит (1868–1935)

Джон Шелби Спонг-ст. (1889–1943)

Малкольм Линвуд (Бак) Бейкер (1944–1958)

Шари Энн Раунтри (1961–1963)

Кэрол Фэй Терри (1952–1966)

Корнелия Берта Мари Брауэр Ньютон (1926–1971)

Джеймс Грейсон Кэмпбелл (1929–1976)

Джоан Лидия Кетнер Спонг (1929–1988)

Дули Бойс Гриффит Спонг (1907–1999)

Эмили Джейн Фейлла (1982–2006)

Джон Харви Найт (1960–2006)

Розали Сюзанна (Розанна) Гарретт Эннс (1922–2008)

Я в долгу перед каждым из них.

ДШС

Предисловие

Вполне возможно, эта книга для меня последняя! Тем уместнее поговорить в ней о финале, о котором и пойдет речь. Да, я помню, что о «последней книге» уже упоминал. Вообще-то это моя пятая «последняя книга». Я написал даже автобиографию. После того как автобиография написана и опубликована, автору полагается умереть. А я не умер. Вместо этого для меня продолжились, вероятно, самые увлекательные и творческие годы моей жизни — и в профессиональном, и в личном отношении. За это время я написал еще три книги. Когда выйдет эта, мне уже будет семьдесят девять, и хотя не сомневаюсь, что другие способны прожить гораздо дольше, сохранив ясный ум и личную дисциплину, необходимые для написания прекрасных, поистине мастерских книг, мой возраст сочетается с тем фактом, что в этой книге достигли кульминации главные темы моей писательской карьеры. «Вечная жизнь: новое видение» замыкает круг, по которому я шел уже некоторое время, и служит надлежащим заключением данного этапа моей жизни.

Написание еще одной книги неизбежно потребовало от меня самым серьезным образом освоить совершенно новую область. На своем опыте я убедился, что предмет каждой новой книги неизменно открывается мне благодаря исследованиям, проведенным в ходе подготовки к книге предыдущей, так что новая оказывается не чем иным, как еще одной главой, развивающей или, возможно, дополняющей аналогичную тему. Должен признаться: при работе над этой книгой я вроде как чувствовал то же самое, и все же новый

предмет оказался столь обширным, а мое прежнее знакомство с ним — столь поверхностным, что на освоение материала, необходимого, чтобы осмелиться о нем написать, ушли бы годы. Такой роскоши я лишен, моя способность провести необходимые исследования ограничена, а потому остается лишь разобрать новые озарения и указания по главам и предложить кому-нибудь из новых поколений сделать их сферой своих научных интересов. Так что позвольте просто отметить для истории, что эта книга о жизни после смерти побудила меня вчитаться в четвертое Евангелие и совершенно по-новому его оценить.

Ранее меня отталкивала христология Евангелия от Иоанна: как мне всегда казалось, в нем подразумевается, что Иисус был явлением божества, лишь выдающего себя за человека. Мне известно, какое влияние Евангелие от Иоанна оказало на историю христианства в период формирования, к примеру, догматов о боговоплощении или Святой Троице. Христология такого рода, по моему убеждению, стала практически недействительной в свете открытий Коперника, Галилея, Ньютона, Дарвина, Фрейда и Эйнштейна, с которыми христианская вера должна считаться, если хочет взаимодействовать с реальным современным миром. Но когда мои исследования для этой книги привели меня к вопросам сознания, самосознания, а после — высшего и, наконец, вселенского сознания, утверждения Иоанна, приписываемые Иисусу, — такие как «Я и Отец — одно» и «Видевший Меня видел Отца», начали приобретать для меня новый смысл. Именно тогда у меня появилось желание изучить наследие Иоанна и написать об этом Евангелии с новой точки зрения.

Появился и второй аспект: работая над этой книгой, я все больше приходил к убеждению, что Евангелие от Иоанна было написано на основе раннего иудейского трехгодичного лекционного — и если бы нам удалось поместить содержание Евангелия обратно в этот контекст, оно читалось бы совсем не так, как большинство христиан читают его сегодня. Это означает, что, несмотря на одаренность таких ученых, как Ч. Г. Додд, Эдвин Хоскинс, Уильям Темпл и

Раймонд Браун, — и это лишь некоторые из видных специалистов по наследию Иоанна, труды которых я читал, — нам так и не удалось в полной мере найти ключ к пониманию этого Евангелия или даже каким-либо образом к нему подступить. Увидеть в Евангелии от Иоанна сначала иудейский лекционарий, потом взглянуть на него не в аспекте боговоплощения, а сквозь призму высшего сознания и мистической перспективы, в свете которой жизнь едина с божественным и причастна вечности, — по-моему, это и есть ключ. Вхождение в эту дверь также означает, что у людей появятся основания воспринимать неотъемлемое отождествление Иисуса с Богом не в терминах боговоплощения, а как новый уровень человеческого сознания. При этом возникает не только обоснованное и новое направление, но и яркая, даже ослепительная вспышка нового понимания. Эти мысли я разовью, но лишь кратко, в заключительных главах данной книги, однако этот опыт побудил меня пожалеть об отсутствии надлежащей подготовки и времени, необходимых, чтобы рассмотреть сквозь эту новую призму четвертое Евангелие в целом. Для меня христианство уже не связано с идеей божества, которое вмешивается в дела людей, — нет, оно о богочеловеке, в котором Бог присутствует в высшей степени и видим в самой своей сути. Автор Евангелия от Иоанна, как я теперь убежден, видел это и понимал. Вот почему его Евангелие настолько отличается от любой другой книги Нового Завета. Я просто подошью эту пикантную улику к четвертому Евангелию, которому в будущем обязательно следует уделить внимание, и оно будет уделено. Кто-нибудь другой наверняка воспользуется этой возможностью и, когда это произойдет, напишет захватывающую, впечатляющую, поразительную историю Иисуса. Будь я уверен, что проживу еще пять лет, взялся бы сам. И в сущности, могу попытаться. Однако своим предисловием я вдохновляю других взяться за это исследование и пройти по этому пути. Порадуюсь их будущим успехам. С этой оговоркой могу, не опасаясь противоречий, заявить: если не решат переиздать что-то из моих ранних творений, эта книга для меня, вероятно, последняя.

По сути дела, это своего рода смертный опыт, — признать, что с публикацией этого тома твоя карьера автора, может быть, завершится. Я продолжу писать еженедельную интернет-колонку, пока могу и пока того хотят подписчики, возобновляя свои подписки, но сомневаюсь, что новые книги выйдут из-под моей авторучки на линованный блокнот — и то и другое выдает во мне продукт прежнего поколения. Двадцать два тома, три из них в соавторстве, переводы на большинство европейских языков плюс корейский, арабский и индонезийский — этого вполне хватит для сочетания «карьера удалась». Каждый автор размышляет о том, как будет оценен его или ее вклад. Подозреваю, если будущие поколения вообще заметят меня, то скажут: «Как-то он осторожничает», — в отличие от некоторых нынешних критиков, заявляющих: «Он слишком радикален!» Я вижу, эти будущие мыслители — да, открыто христианские мыслители, — уже появились на горизонте и в своих трудах стремятся туда, куда моя мысль еще и не проникала. Гретта Воспер из Онтарио, Иэн Лоутон из Мичигана, Эрик Элнс из Небраски, Карлтон Пирсон и Робин Мейерс из Оклахомы, Джефф Проктор-Мерфи и Дэвид Фелмен из Аризоны, Хью Доуз из Англии и Грег Дженкс из австралийского Брисбена: вот чьи имена я назову в первую очередь, ибо именно их считаю наиболее творческими (из относящихся к Церкви) голосами нового поколения. Каждый из них сильно повлияет на развивающийся христианский мир. И если я уже сейчас могу оценить, сколь велики те дары, которые они принесут миру, то время, скорее всего, прояснит это для бесчисленного множества других людей. Сам я во всей своей жизни на пределе возможностей говорил о христианской вере, к которой питаю столь глубокую любовь. Меня радует то, что я, возможно, помог другим даже превзойти меня. Каждый должен жить в рамках собственного времени, отведенного историей. Я построил мост от моего христианского прошлого к новому христианскому будущему. И я рад тому, что в этой книге, как мне кажется, дошел до той точки, откуда виден иной мир, и мне уже вполне достаточно просто его видеть.

Мои благодарности относятся к ряду людей помимо тех, кого я упомяну в своей несколько автобиографической первой главе. Прежде всего выражаю признательность Эндрю Скримджеру, декану библиотек Университета Дрю в Мэдисоне, Нью-Джерси. Энди не только проводил для меня исследования, но и на протяжении долгих лет предоставлял в мое распоряжение один источник сведений за другим. Он обеспечил мне доступ к материалам Теологической библиотеки Университета Дрю (хорошего методистского учебного заведения), как если бы я входил в число его преподавателей, и вдобавок выделил мне собственную кабинку для занятий в зале. Я в огромном долгу перед ним и Университетом Дрю.

Далее — Джеральд Ф. Уайт, восьмидесятилетний отставной юрист из Элизабет-Сити, Северная Каролина. Джеральд пишет мне три или четыре раза в год, он не только поддерживает меня в нынешних исканиях, но и с нетерпением ждет, когда увидит их окончательный результат. Опасаясь не дожить до выхода книги, он убедил меня прислать ему экземпляр неотредактированной рукописи. Эта просьба была исполнена. А сам он жив и счастлив и по сей день.

Затем — Билли Кингстон, профессор Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия, и его жена Мэри, которые не только осаждали меня вопросами в конференц-центре Святого Дейниола в Хардене, Уэльс, но и прислали мне два монументальных фолианта: один, за авторством Алана Сигала, — с подробностями представлений о жизни после смерти в различных мировых религиях, — занял чрезвычайно важное место в моих исследованиях; вторым был анализ идеи воскресения, отраженной в христианстве и иудаизме. Его провели Кевин Мэдиган и Джон Левенсон. Обе книги упоминаются в библиографии.

Среди тех, кому я посвятил эту книгу, в живых уже не осталось никого. Но все эти люди преподали мне насущные уроки — как жить, как умирать, как не терять надежды. Вместе с тем их смерть сделала открытую и публичную борьбу со смертью необходимой для меня. Вне круга родных и близких друзей никто не считал бы их общественными деятелями, но они были моими учителями, и с этой книгой

часть даров, доставшихся мне от них, перейдут, надеюсь, ко всему миру в целом. Позвольте мне в качестве привилегии кратко поведать о каждом из них — в порядке очередности их ухода из этого мира.

Джон Хантер Гриффит — мой дед с материнской стороны. Его смерть для меня, еще не достигшего пятилетнего возраста, стала первым опытом потери человеческого существа. Как свидетельствует эта книга, именно тогда началось мое путешествие длиной в жизнь — в мир смысла и реальности моей собственной смертности.

Джон Шелби Спонг — мой отец. Я — «младший», но поскольку на момент его смерти мне было всего двенадцать, эта приставка, «младший», не фигурировала никогда и нигде, кроме документов социальной страховки. Смерть отца изменила мой путь кардинальным и роковым образом. Жаль, что мои дети его не узнали — и что его, в сущности, не знал я сам.

Малкольм Линвуд (Бак) Бейкер, юный атлет, полный сил и жизни, входил в школьную команду по плаванию. Они тренировались в бассейне, как вдруг кто-то увидел, что Малкольм лежит на воде лицом вниз. Из всего множества людей, которые были вокруг, никто ничего не заметил, пока не стало слишком поздно. Его родители, Офелия и Ной — мои близкие друзья и на редкость сильные духом люди.

Шари Энн Раунтри не дожила даже до двух лет. Как-то, оставшись на попечении бабушки, она случайно проглотила яд. Других детей ее родители иметь не могли. Винить в случившемся было некого. Скорее, произошло одно из тех жизненных событий, которые навсегда останутся необъяснимыми. Ее смерть казалась столь жестокой, столь легко предотвратимой и столь трагической, что память о ней будет отзываться болью в душе ее близких до конца их дней, — а равно так же моих: смерть этой малышки поставила вопрос о теодицее так, что ответить на него оказалось невозможно. Ее бабушки и отца уже нет в живых, но Энн, ее мать, все еще живет с этими шрамами. Позднее она усыновила двоих мальчишек, преобразивших ее жизнь.

Кэрол Фэй Терри, старшая дочь четы Терри — Марты и Губерта. В одиннадцать лет у нее диагностировали лимфому Ходжкина. Она умерла за день до своего четырнадцатилетия. Уход Фэй, медленный и вместе с тем неизбежный, дал мне познать опаляющую боль смерти, — но и то, какой прекрасной и чистой может быть юная жизнь.

Корнелия Берта Мари Брауэр Ньютон первой из взрослых позволила мне — по сути дела, даже предложила — пройти вместе с ней опыт ее собственного умирания. Ее муж был врачом, а она — матерью троих маленьких детей. Благодаря Корнелии я стал переосмысливать значение молитвы. Она вдохновила меня на создание первой книги «Honest Prayer» («Искренняя молитва») и подсказала ее название, хотя и не упомянута на ее страницах.

Джеймс Грейсон Кэмпбелл, врач-рентгенолог из Виргинского медколледжа. Лейкемия. После диагноза он прожил всего год. Как медик, он прекрасно понимал, что умирает, и весь этот короткий год почти ежедневно делился со мной тем, что это значит — умирать. Свою первую книгу о воскресении Иисуса, *The Easter Moment* («Пасхальное мгновение»), я написал благодаря ему. Его жена Рут, тоже врач, живет в Ричмонде, штат Виргиния.

Джоан Лидия Кетнер Спонг. Моя жена. Я расскажу о ней чуть позже, а пока достаточно будет сказать, что в конечном итоге Джоан сочла смерть блаженным избавлением от долгой и изнурительной болезни. Но она в большей мере, чем кто-либо другой, побудила меня задуматься о моих собственных ограничениях так, что я уже не смог остаться прежним.

Дули Бойс Гриффит Спонг. Моя мама. Наделенная множеством дарований, она осталась вдовой в тридцать шесть, с тремя маленькими детьми, без денег и востребованных навыков и, хотя и не закончила даже девяти классов, сделала все что могла, стремясь выжить. Я с нескрываемым восхищением смотрел, как она стареет. Она продала дом и почти все имущество и без видимых страданий переселилась в дом престарелых. Она никогда не привязывалась к земным вещам. Ее мир с годами сокращался: она теряла зрение, слух,

способность ходить и, наконец, в девяносто два года, умерла. Она учила меня распознавать, что на самом деле важно в жизни. Мне выпала честь быть ее сыном, и надеюсь, я всей своей жизнью почтил ее.

Эмили Джейн Фейлла, юная девушка, полная сил. Я знал ее с тех пор, как ей исполнилось четыре; на моих глазах она стала незаурядным подростком, блестящей студенткой и выдающимся учителем. Она погибла в двадцать четыре. Несчастный случай в горах. Эмили научила меня тому, что жизнь — это скорее качество, а не количество. Она жила недолго, но ярко. Ее родители, Кей и Фрэнк, а также ее младшая сестра Лорен по сей день мне дороги.

Джон Харви Найт, взрослый сын двух моих самых близких друзей, Миллисент и Элиота. Джона, семьянина и отца троих маленьких детей, нашли мертвым дома, рано утром, на следующий день после Рождества. У него не было ни проблем со здоровьем, ни тревожных симптомов. Его смерть стала внезапной и необъяснимой. Его обстоятельства исключили для меня любую возможность в дальнейшем прятаться от реальности за ханжескими клише и эмоционально лживыми заверениями. Открытое признание этого стало основой моей гомилии на его похоронах — и помогло мне понять, что наша неготовность смотреть смерти в лицо явно избочливает бессмысленность большинства религиозных разговоров о Боге даже среди верующих.

Розали Сюзанна (Розанна) Гарретт Эппс. Ее похороны были последними, в которых я участвовал по долгу службы. Она умерла уже после того, как я отправил в издательство рукопись этой книги. Сама книга навеяна ей в большей степени, нежели кем-либо из моих знакомых. Розанна — олицетворение мыслей, вложенных в мой труд. Она прожила насыщенную и хорошую жизнь. Была представительницей того поколения, где женщины сочетали брак, семью и карьеру. В свои восемьдесят с лишним лет Розанна вела постоянную рубрику в газете. Когда стали умирать ее сверстники, у нее появились друзья среди молодежи. Ее отличала жажда жизни, какой достигают лишь

немногие. В год своей смерти она занимала пост в Обществе юридической помощи. В своей гомии на ее похоронах в Ричмонде, штат Виргиния, я впервые высказал мысли, которые излагаю здесь. Они идеально соответствовали Розанне. Для меня она была родственной душой, другом и даже матерью моей дочери Эллен.

Я благодарен им всем за то, что учили меня.

Хочу также выразить благодарность моим онлайн-издателям и редакторам из *Waterfront Media* в Бруклине, штат Нью-Йорк: Майку Кериакису, Бену Волину, Марку Робертсу и Розе-Анне Генри. С их помощью моя еженедельная колонка воплощается в реальность на протяжении вот уже семи лет. Именно написание этого текста каждые семь дней порождало мысли, в конце концов явленные в моих последних книгах, и в этой в том числе. Особенно хорошо помню два текста для колонки: “A Conversation About Death in New Zealand” («Разговор о смерти в Новой Зеландии») и “Emily Jane Failla: A Special Life.” («Эмили Джейн Фейлла: особенная жизнь»). Оказалось, я даже не сознавал, в какой мере обдумываю свои чувства и проясняю мысли, пока пишу статьи. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что мои проповеди в начале пути служили той же самой цели.

На протяжении ряда лет моей профессиональной жизни мне выпала честь работать с чудесным секретарем — удивительной женщиной по имени Мэрилин (Лин) Конрад. Она и ее муж Дэвид стали моими друзьями. Как я был рад, когда она охотно согласилась отложить обязанности бабушки и радости жизни на пенсии и вернулась к работе, решив напечатать черновик этой рукописи! Работа вместе с ней над этой книгой напомнила мне, сколь приятным было наше десятилетнее, далеко не случайное сотрудничество при написании пяти предыдущих моих трудов.

Неизмеримую помощь мне оказали Марк Таубер, издатель из *HarperOne*; Майкл Модлин, мой редактор; Лиза Сунига, руководитель проекта; и литературный редактор, Кэти Райгстад.

И, наконец, еще раз во всеуслышание благодарю свою семью за любовь и поддержку и за смысл, обретенный мною благодаря им.

Кристина — моя обожаемая жена, мой профессиональный партнер, редактор, моя наперсница, ближайший друг и глубочайшая любовь. Эта книга откроет: глубина наших с ней отношений — одно из моих окон в вечность.

Кроме того, мне выпала честь на протяжении тридцати семи лет быть мужем Джоан Лидии Кетнер Спонг, одной из тех, кому я посвятил эту книгу. Поскольку это, вероятно, моя последняя книга, мне хочется уделить Джоан еще несколько слов. Ее преждевременная смерть от рака в 1988 году завершила слишком краткую, но прекрасную жизнь, и боль от заключительной стадии ее болезни, долгой и тяжелой, делала невозможными любые публичные упоминания о ней до сравнительно недавнего времени. Она — мать наших троих дочерей, и вместе с ними она дарила мне такое обилие любви, что мне удалось войти в непрестанно расширяющийся круг, называемый жизнью, так, как я не мог и представить. Не хочу, чтобы память о ней когда-либо покинула мое сознание. Моя любовь к Джоан не соперничает с моей способностью любить других — напротив, развивает эту способность. Я всегда буду любить Джоан. И потому моя любовь к Кристине становится еще глубже и преображает меня еще сильнее.

Далее — три моих дочери, которых я полюбил в первый же миг их рождения: Эллен Элизабет, Мэри Катарина и Жаклин Кетнер. Позднее этой любви удостоились также обрели их мужья и спутники: Гас Эппс (Огастес Э. III), Джек Кэтлетт (Джон Б. II) и Верджил Спериосу, а после — их дети и мои внуки: Шелби, Джей (Джон Б. III), Джон и Лидия, и даже их питомцы — кот Нолан (в честь Нолана Райана) и собаки Элси Лу (весьма южная кличка), Бурый (весьма описательная кличка), Джерси Роуз (немецкая овчарка, названная так, ибо родилась и выросла в Нью-Джерси) и Самми (еще одна немецкая овчарка, названная в честь Самми Сосы). Мой близкий семейный круг значит для меня больше, чем можно выразить словами. Сейчас они удивительны. И я волнуюсь, когда думаю о том, какими они будут через поколение.

Далее — мои приемные дети, после моего брака с Кристиной чудесным образом украсившие мою жизнь: Брайан Янси Барни, его жена Джулиэнн и их бойкие близняшки; Кэтрин Элейн и Колин Дэвид — благодаря им мой второй опыт в роли деда стал ярким и запомнился надолго; и Рейчел Элизабет Барни, беспокойная непоседа, не знающая меры в тяге к приключениям и неизменно влекущая меня к новому опыту жизни и риска. Я благодарен им за всю радость, принесенную ими в мою жизнь и жизнь их матери, моей любимой Кристины.

И, наконец, благодарю вас, мои читатели. Вас уже больше миллиона, если считать, что каждую купленную книгу прочитал хотя бы один человек. Я признателен вам за то, что позволили войти в вашу жизнь через книги, в которых я стремился обратить внимание поколения на то, что верить — это прежде всего возрастать в человечности. Вот почему почитание Бога столь важно для меня, и именно этого Бога я вижу в Иисусе, совершенном человеке, чья человечность стала точкой соприкосновения с тем, что мы называем «божественным». Как покажет эта книга, Иисус в моем представлении столь радикально расширил границы самосознания, что переосмыслил и Бога, и смысл человеческой жизни. Вот почему христиане неизменно утверждают, что обретают, принимают и познают Бога в Иисусе. Проблема в том, чтобы отойти от традиционного теистического определения Бога, не позволяющего столь многим понять Иисуса. Он — совершенный человек; Он сделал святое зримым; Он обладал всей полнотой сознания; Он позволил нам увидеть, что человеческое и божественное едино; и Он, истинно живой, дал нам понять, что смерть, в конечном итоге — одна из жизненных сфер, сквозь которую мы вершим свой путь в вечности. Именно четвертое Евангелие, говоря о Боге и Иисусе, лучше всех отразило этот смысл, когда его автор выразил цель Иисуса — даровать нам жизнь, и даровать с избытком. Надеюсь, той же цели послужит и эта книга.

*Джон Шелби Спонг
Моррис-Плейнс, Нью-Джерси*

Напутствие от автора в дорогу

Несомненно, некоторые люди
оказываются вовлеченными в славу.
И это побуждает меня хотеть, а иногда
и жаждать пути, требующего усилий...
Туда, к известности¹.
Оуэн Доулинг

Прежде чем читатели воспримут эту книгу как творение разума, необходимо учесть, как она рождалась на свет. А история эта настолько личная, что сперва мне потребуется представить ее предмет, «Жизнь после смерти», в соответствующем контексте. Помимо прочего, он объяснит, почему я должен был написать эту книгу.

В некотором смысле я готовился к ней всю жизнь. О смертности и ее смысле я стал задумываться еще в то время, когда впервые столкнулся с ее реальностью — умер мой домашний питомец. Мне не было и трех. Как и все мы, с тех пор я приобрел обширный опыт встреч со смертью за свои семьдесят — библейский век, уже лет десять как истекший. Но я все еще веду счет этим встречам. Неумолимо, как